Бригадина, О.В. Денежная реформа 1947 г. и отмена карточной системы в СССР в массовом сознании и повседневных практиках городского населения / О.В. Бригадина // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 195-202.

О. В. Бригадина

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 г. И ОТМЕНА КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В СССР В МАССОВОМ СОЗНАНИИ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Анализируются причины и механизмы денежной реформы в Советском Союзе (декабрь 1947 г.), последствия отмены карточной системы распределения товаров для населения. Рассмотрены характеристики городской жизни в послевоенные годы и общественные настроения горожан. Автор отмечает растущее социальное расслоение общества. Акценты сделаны на основных направлениях социальной политики государства, условиях труда и быта населения, обеспеченности жильем, продуктами питания и товарами повседневного спроса. С точки зрения геополитики и экономической стратегии государства денежная реформа и отмена карточек были закономерны и являлись одним из условий восстановления страны.

The author analyzes the causes and mechanisms of the monetary reform in the Soviet Union (December 1947), the consequences for the population of the elimination of rationing the distribution of products and consumer goods. Attention is paid to features of urban life in the post-war years and the public mood of people. The author notes the increasing social differentiation in society. Emphasis is placed on the main directions of social policy, working and living conditions of the population, housing, food and basic goods. In terms of geopolitics and state economic strategy monetary reform and the abolition of rationing cards were natural and were one of the conditions for reconstruction.

Ключевые слова: денежная реформа, карточная система, социальная сфера, зарплата, дефицит, торговля.

Key Words: monetary reform, rationing, social sphere, wages, deficit, trade.

Как считают ряд исследователей, советская послевоенная история в чем-то соответствует общемировым процессам модернизации, но характеризуется уникальными чертами общества и идеологии, которые во многом определили социальную политику советского государства «с ее постоянным возрастающим государственным вмешательством в частную сферу, в быт, тенденцией к демагогии и лукавству» [1, с. 11].

Для понимания государственной политики в социальной сфере представляют интерес общественные настроения послевоенного времени, зафиксированные в ряде источников и в последние годы проанализированные в различного рода публикациях. Многие из работ исследуют условия труда и быта, размеры и практику выдачи зарплаты, характер жилья, количественные и качественные параметры питания. В опубликованных «письмах во власть» лейтмотивом звучал призыв: «поменьше болтовни о нуждах рабочих, побольше реальной заботы». По сводкам уполномоченных среди вопросов, зафиксированных на собраниях и лекциях для рабочих в Москве, были и такие: «Почему безработные на Западе живут лучше?», «Что за социализм, когда жизнь все хуже?», «Мне 40 лет, а нет жилья». Известен факт ареста работницы одной из подмосковных типографий за распространение текста песни под названием «Городская заздравная», которая представляла собой ремейк известной в стране «Колхозной заздравной», начинавшейся словами «Будьте здоровы, живите богато...». В авторском варианте первый куплет звучал иначе: «Будьте здоровы, живите богато, / Насколько

Бригадина Ольга Васильевна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: brigadinaol@mail.ru

позволит вам ваша зарплата / А если зарплата вам жить не позволит / Ну что ж, не живите, никто не неволит...» [2, с. 52—53].

По данным ЦСУ СССР за 1946 г. почти 40 % рабочих и служащих страны были вынуждены почти половину своего месячного заработка тратить на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Лишь 30 % рабочих и служащих получали тогда от 300 до 600 рублей в месяц, а стоимость питания-минимума (пайка) составляла в среднем от 116 до 136 рублей. В то же время 50 % рабочих получали зарплату до 100 рублей, а 20 % — до 200 рублей [3, с. 38]. Это не мешало активности советской рекламы, которая убеждала советского труженика в том, что «кетовая икра полезна и вкусна, продается всюду». Торговля настойчиво предлагала покупать пастеризованную черную зернистую икру, упакованную в баночки по 28, 56, 110, 168 граммов. Реклама соблазняла: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы». Баночка же крабов стоила 5 рублей 60 копеек [4, с. 256]. В голодные послевоенные годы о таком лакомстве можно было только мечтать.

Последствия войны для СССР были гораздо более тяжелыми, чем для других стран. Оккупированная противником территория была разрушена и опустошена. Восстановление народного хозяйства и его перевод на мирные рельсы требовали дополнительных усилий и капиталовложений при полном отсутствии свободных ресурсов. Положение в стране обострилось в связи с голодом 1946—1947 гг.: по подсчетам ученых, тогда в СССР умерло около 2 млн человек. Жертв было бы больше, если бы не гуманитарная помощь из-за рубежа от Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮННРА). Украина в результате получила товаров на 189 млн, а БССР — на 60 млн долларов. Однако советское руководство отказалось от помощи для РСФСР, так как И. В. Сталин не желал, чтобы сотрудники ЮННРА стали свидетелями той степени разорения, в которой находились не только ранее оккупированные районы, но и вся страна. Было решено ограничиться помощью по линии американской благотворительной организации «Помощь России» (31 млрд. долларов). Демонстрируя, что СССР не нуждается в западных «подачках», приняли решение о выделении Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии и другим странам 2,5 млн тонн зерна [5, с. 208]. Сталин рассматривал восстановление советской экономики исключительно через призму государственных интересов, а нужды народа, его жизнь и благополучие, по мнению ряда исследователей, в эту схему не вписывались [5, с. 208].

Одним из признаков стабилизации в СССР стала денежная реформа (подобные реформы проводилась во многих странах, участвовавших в войне). Важным событием в социальной сфере стала отмена карточной системы, вызывавшей растущее массовое недовольство из-за многочисленных злоупотреблений. Население жаловалось, что по карточкам распределяются «худшие продукты, а в коммерческих магазинах всего полно», «мыло дорого и недоступно», «карточки можно не получать, какая от них польза» и т. д. [2, с. 54]. Отмена карточек имела и политическое значение, так как, по мнению советских властей, наличие подобной системы распределения продуктов и товаров в городах подрывало международный престиж страны-победительницы.

О подготовке денежной реформы и отмене карточек в стране публично было объявлено в директивах четвертого пятилетнего плана в марте 1946 г. Первоначально речь шла о 1946 г. как сроке проведения реформы, однако сильная засуха в Поволжье, Кубани, Украине и других районах обусловила отсрочку. В качестве предварительных мер началось постепенное повышение цен на продовольственные товары в государственных магазинах и сближение их с коммерческими. В сельской местности были отменены карточки для рабочих и служащих совхозов и членов их семей, в городах и рабочих поселках — для неработающих матерей с детьми старше 4 лет. Для рабочих промышленных предприятий были аннулированы все виды дополнительного питания, а в заработную плату вводились «хлебные надбавки», которые составляли 80—100 рублей в месяц. В сентябре 1946 г. были введены новые пайковые цены, максималь-

но приближенные к коммерческим. У рабочих появилась новая забота: где взять деньги, чтобы оплатить паек, «когда увеличат зарплату, чтобы выкупить продукты питания» [6, с. 79].

Тем временем фабрики Гознака начали печатать банкноты нового образца. В Москве проводились соответствующие инструктажи руководителей финансовых органов. В местные отделения МГБ были разосланы запечатанные секретные пакеты, подлежащие вскрытию по особому сигналу. Как стало известно позднее, в одной «совершенно секретной» и «весьма срочной» директиве заместителя прокурора СССР Сафонова в местные органы госбезопасности предписывалось «виновных в обмане государства, расхищении государственных денежных средств привлекать к уголовной ответственности по указу от 4 июня 1947 г., принимая меры к возмещению причиненного государству ущерба». Это означало, что расхитителей госсобственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. могли осудить на срок от 10 лет и выше [6, с. 78].

Окончательное решение о проведении денежной реформы было принято на заседании политбюро ЦК ВКП(б) в субботу 13 декабря 1947 г. О финансовой операции, предусматривающей одновременно обмен денег, отмену карточек и повышение цен на основные товары и услуги, не случайно в стране стало известно в воскресенье, когда были закрыты многие магазины, не работали сберкассы. На следующий день — в понедельник 15 декабря — был запрещен «прием налоговых и страховых платежей, взносов по займу <...> прием квартплаты, погашение ссуд, продажа абонентов организациями городского транспорта, сезонных билетов железнодорожного и водного транспорта, билетов в театры и иные зрелищные мероприятия» [6, с. 78].

Несмотря на то что реформа готовилась в обстановке строгой секретности, слухи вызвали небывалый ажиотаж среди населения. С 1 по 15 декабря 1947 г. в стране было закуплено товаров на 6 млрд рублей сверх обычного. В Москве повысился спрос на водку и продовольствие длительного хранения (копченая колбаса, сыры, балыки, консервы и др.). Если ежедневный торговый оборот магазинов Петровского пассажа в Москве обычно составлял 500—600 тыс. рублей, то в декабрьские дни достиг 4 млн 360 тыс. рублей. В московских магазинах начали лихорадочно скупать «меха и шубы, живописные полотна и золотые кольца, охотничьи ружья и мотоциклы». В Петровском пассаже в Москве были распроданы все узбекские тюбетейки, не пользовавшиеся прежде спросом. «Прекрасные цейсовские бинокли — мечта всех средних командиров на флоте, — вспоминали современники, — покупали теперь какие-то бабенки, мужички, и брали не один-два — десятками, по 100 рубликов за штуку» [7, с. 74]. Один из ленинградских студентов так описал декабрьские события: «Прослушав по радио постановление 15 декабря, мы всей комнатой хотели пойти что-либо купить или хотя бы попить пива и покушать <...>, вы себе представить не можете, что делалось по всем ресторанам, кафе и по магазинам, забирают все, что только можно брать, вплоть до книжных магазинов. По улицам просто невозможно пройти, народ бегает толпами от магазина до магазина, из ресторана в ресторан» [8, с. 134].

Многие в эти тревожные дни пытались спасти и приумножить свои сбережения. Обмен денег и рост государственных цен открывал широкие возможности для работников торговли и снабжения. Наиболее предприимчивые скупали товары первой необходимости, водку, папиросы для перепродажи. Врачи, имевшие частную практику, поступали несколько иначе: известен факт, когда заведующий зубопротезным отделением и начальник медсанчасти одного из заводов в городе Молотове (совр. Пермь) «<...> 15 декабря сдали в госбанк на свой расчетный счет под видом выручки свои личные деньги — 11 тыс. руб. с тем, чтобы получить эту сумму обратно деньгами нового образца» [6, с. 93]. Многочисленные нарушения были обнаружены среди сотрудников сберкасс. Чтобы спасти свои денежные накопления от девальвации, «избранные» с согласия руководства сберкасс вносили на счета деньги задним числом. На оперативном совещании в городской прокуратуре г. Молотова 16 декабря 1947 г.

было высказано предположение, что, «вероятно, финработники разгласили государственную тайну, и поэтому отдельные лица вкладывали свои деньги в последние дни перед реформой на несколько книжек мелкими вкладами до 3 тыс. рублей». Были зафиксированы факты взяток с клиентов в сберкассах за внеочередные услуги, а также должностные нарушения ответственных лиц, преднамеренно разгласивших секретную информацию до установленного срока — 15 декабря 1947 г. [6, с. 90]. Тем не менее многие представители номенклатуры среднего и низового звена оказались застигнутыми врасплох. По мнению исследователей, «эти люди за годы войны привыкли к собственной значимости <...>, они не могли допустить мысли о том, что государство поведет себя по отношению к ним столь безжалостно и неблагодарно: не предупредит заранее о грядущих изменениях, не предоставит им особых возможностей» [6, с. 91].

Объективную информацию население получило лишь 15 декабря из сообщения ТАСС о решении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) о проведении в течение 16—22 декабря денежной реформы и отмене карточек. Подчеркивалось, что «в СССР ликвидация последствий войны и денежная реформа проводятся не за счет народа», городскому и сельскому населению были обещаны большие материальные выгоды. «Количество занятых рабочих и служащих у нас не сокращается. У нас нет и не будет безработицы. Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а, наоборот, увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы». Власть предупреждала, что «при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя, но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более, что это будет последняя жертва» [9, с. 324].

Суть денежной реформы заключалась в следующем: вся денежная наличность (за исключением разменной монеты), находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных организаций, предприятий и учреждений, обменивалась на новые деньги в соотношении 10:1. Переоценка вкладов населения в сберкассах и Госбанке осуществлялась на более льготных условиях: вклады до 3 тыс. рублей оставались без изменения. По вкладам размером до 10 тыс. рублей действовала следующая схема: первые 3 тыс. рублей — без изменения номинальной суммы, а остальная часть вклада переоценивалась в соотношении 3 рубля старых денег на 2 рубля новых. Если же размер вклада превышал 10 тыс. рублей, то во вклад зачислялись первые 10 тыс. рублей в размерах, указанных выше, а остальная часть переоценивалась из расчета 2 рубля старых денег на 1 рубль новых. Переоценка вкладов населения принесла государству 3,6 млрд рублей. Несмотря на то что денежная реформа носила явно конфискационный характер, она, по оценке министра финансов СССР А. Г. Зверева, «позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения <...>. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета» [10, с. 299].

Отношение населения к действиям правительства было противоречивым. Спецсводки Министерства госбезопасности фиксировали настроения жителей крупных городов. Часть из них с удовлетворением отмечала, как «мечутся лисьи шубы, т. е. состоятельная часть граждан, от одной очереди к другой», пытаясь израсходовать крупные суммы денег. Другие были настроены более критически к обещаниям властей бороться со спекуляцией: «спекулянтам наплевать, они накупились всего...» [11, с. 326]. Коснулась денежная реформа и иностранных граждан, которым обменивали деньги 3:1. Сотрудники американского посольства в переписке с МИДом СССР изложили свое мнение о последствиях реформы: новая система цен слегка снижает стоимость только четырех предметов потребления, другие виды продуктов стоят практически дороже. Стоимость продуктов питания в долларовом эквива-

ленте (8 рублей за доллар) оказалась в Москве дороже, чем в Вашингтоне: белый хлеб — приблизительно в 3—3,5 раза, молоко в 1,5—2 раза, мясо в 3 раза [12, с. 24]. Советские трудящиеся значительно отставали от собратьев по классу в развитых странах по качеству жизни. Не почувствовала на себе «повышение уровня материального благосостояния», обещанного постановлением от 14 декабря, большая часть населения страны. По этой причине среди малообеспеченных категорий рабочих нередки были высказывания типа: «почему сейчас, когда везде и всюду говорится об экономии и бережливости, выбрасываются колоссальные суммы на Сталинские премии? Какая-нибудь балерина дрыгнет хорошо ногой, глядишь, и 100 тыс. получила!» [11, с. 326]. В обществе, объединенном войной, начиналось неизбежное социальное расслоение.

После реформы была закрыта сеть коммерческих магазинов и начался переход к открытой торговле. Отказались от пайковых цен, устанавливались твердые государственные расценки. Однако вопреки ожиданиям остались высокими цены на промышленные товары, даже в Москве резко ощущался дефицит продовольствия. По признанию председателя исполкома Моссовета Г. М. Попова, приходилось, учитывая ситуацию, регулировать торговлю без карточек. В этих целях была установлена суточная норма продуктов «в одни руки»: хлеба — 2 кг, муки — 1 кг, масла животного — 300 гр., яиц — 5 шт., сахара — 500 гр., сыра — 200 гр. Нормированы были и промтовары: нитки — 2 катушки, чулки — 2 пары, спички — 2 коробка, а керосин выдавался по 3 литра и по талонам [3, с. 40].

В магазинах выстраивались длинные очереди. По мнению одного из московских старожилов (Г. Е. Андреевского), «очереди были не просто временным явлением, они были приметой эпохи <...>. В очередях ругались и дрались, знакомились и влюблялись, в них изливали душу, делились знаниями и высказывали смутные опасения <...>. Говорили в очередях о том, что подорожает хлеб, что будет война, что на Москву упадет метеорит и вообще чего только не говорили <...>» [4, с. 260—261]. По его же наблюдениям, после войны «при каждом тревожном слухе жители города начинали запасаться солью, спичками и мылом <...>. Москвичам приходилось рыскать по городу в поиске <...> бидона для керосина, самоварной трубы, мясорубки № 5, совка для мусора, рукомойника, синьки, оконной замазки <...>. Зато был широк выбор спиртного. Осенью 1948 года в продаже появилось фруктовое вино (бормотуха) стоимостью 25 рублей» [4, с. 256—259].

Однако каждый послевоенный год наряду с проблемами приносил москвичам и радости, большие и маленькие. В кафе «Мороженное» по улице Горького предлагали мороженное с доставкой на дом. Летом 1949 г. московский завод «Металлопластмасс» стал выпускать шариковые ручки, но школьникам писать ими категорически запрещалось. Исчезли из продажи зубные щетки с черной щетиной, появились столярные инструменты и сантиметры, канцелярские скрепки перестали гнуться, а замки артели «Мехштамт» уже нельзя было открыть одним ключом. В мебельных магазинах можно было купить никелированную кровать, трельяж и турецкий диван, а в магазинах хозторга — печь-«чудо». Однако из-за не налаженного быта люди становились все более суетливыми и нервными [4, с. 259—260]. Перестали быть диковинкой трофейные патефоны и автомобили из Германии. Постепенно «опели» и БМВ заменили ЗИЛы и «победы». Продажа отечественных авто стала рекламироваться в газетах, особенно привлекательной для состоятельных горожан стала «победа» примерно за 8 тыс. рублей. По свидетельству современников, автомашины «приносили много хлопот и их владельцам, и населению <...>. Их было не много и максимальная скорость транспорта не должна была превышать 35 км в час, однако автодорожных происшествий случалось довольно много <...>. Никто не хотел соблюдать правил дорожного движения: ни водители, ни пешеходы» [4, с. 256].

Советские модельеры стремились украсить женщин элементами народной одежды: на картинках «Журнала мод» предлагались модель платья № 73 наподобие рязанской рубахи,

модель № 72 — с воротником русской косоворотки. «Не нужно бояться скромности» — призывали женщин советские модельеры. В 1947 г. в приказе министра торговли говорилось о расширении производства «чулков женских котоновых из шелка капрон», но цена была для многих женщин недоступной. Женщины, пережившие войну, «носили чулки фильдеперсовые и хлопчатобумажные в резиночку и без <...>» [4, с. 265]. Кошмар войны остался в прошлом, люди, естественно, стремились к нормальной жизни.

Послевоенные годы можно рассматривать как наиболее «советский» период в истории СССР. Вернувшиеся с войны, закаленные тяжелейшими испытаниями люди воспринимали и верили в единственно возможный советский образ жизни. Для решения задач, которые встали перед страной в восстановительный период, требовались огромные материальные и трудовые ресурсы. По словам И. В. Сталина, советскому народу предстояло принести «последнюю жертву», т. е. взять на себя бремя основных расходов на восстановление страны. С точки зрения геополитики и экономической стратегии советского государства денежная реформа 1947 г. и отмена карточной системы в СССР были закономерны и, бесспорно, являлись одним из условий подъема престижа страны. Вместе с тем политическое руководство стремилось максимально извлечь выгоды государства от реформы. Пострадавшей стороной оказалось население. Обещание больших материальных выгод обернулось для народа ухудшением его качества жизни. Реформа была направлена на решение стратегических государственных, а не социальных задач. Фактически изъятые у населения деньги направлялись в большинстве случаев не на реализацию социальных программ, а на восстановление базовых отраслей промышленности. Однако советское общество, спаянное войной, предпочло предоставить карт-бланш своей власти, искренне надеясь на лучшую жизнь в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : ООО «Вариант», 2008. 376 с.
2. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2008. 320 с.
3. *Жиромская В. Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: Историко-демографический аспект: 1946—1960. М. : РГГУ, 2009. 311 с.
4. *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930—1940-е гг. М. : Мол. гвардия, 2003. 463 с.
5. История России. XX век: 1939—2007 / под. ред. А. Б. Зубова. М. : Астрель: АСТ, 2010. 847 с.
6. *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 1940—1950-х гг. М. : РОССПЭН, 2008. 295 с.
7. *Жирнов Е.* «Полностью скуплены меха, пианино, часы, мотоциклы...» // Коммерсант-власть. 2002. № 48. С. 74—75.
8. *Твердюкова Е.* Особторг. Коммерческая торговля в СССР в 1944—1947 гг. // Родина. 2010. № 10. С. 132—134.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов и материалов / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М. : Политиздат, 1974. 894 с.
10. *Вдовин А. И.* История СССР от Ленина до Горбачева. М. : Вече, 2011. 528 с.
11. Новейшая история России. 1914—2005: уч. пособие / под ред. М. В. Ходякова. М. : Высшее образование, 2007. 527 с.
12. *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти. 1945—1991. М. : РАГС, 1998. 736 с.

Статья поступила в редакцию 1 июня 2012 г.